

18+

Михаил Соловьев

ОТ ПОЛУДНЯ
ДО ПОЛУДНЯ

Михаил Соловьев

От полудня до полудня

«Издательские решения»

Соловьев М.

От полудня до полудня / М. Соловьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696579-9

Этот роман — сага о трёх поколениях семьи Зацепиных, чья жизнь разворачивается на фоне грандиозных событий советской и постсоветской истории. В центре повествования — судьба двух гениев: авиаконструктора Андрея Зацепина, одержимого небом, и его сестры Анны, врача-психиатра, которая лечит человеческие души. Это роман о великой мечте и жестоком времени, которое её ломает. О предательстве и всепрощающей силе любви. О выборе между правдой и холодной логикой системы.

ISBN 978-5-00-696579-9

© Соловьев М.
© Издательские решения

Содержание

От полудня до полудня	6
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	20
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	28
Глава седьмая	31
Глава восьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

От полудня до полудня

Михаил Соловьев

© Михаил Соловьев, 2026

ISBN 978-5-0069-6579-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От полудня до полудня

Первый год второй половины XX века начался интересной темой. К полудню вышли свежие газеты с новыми призывами к прежним интересам. Таковой темой стали трудовые подвиги. Люди, досрочно закончившие первую послевоенную пятилетку и пережившие войну, каждый на своем месте – честно делали свое дело. Коллектив «Известий» трудился вместе со всеми, возвращая страну к нормальной жизни.

Открывая «Известия» 1951 года, четко понимаешь: прошло время Маяковских – наступило время Сидоренко: «Восславим песней мира торжество!» – кричит первая полоса. И стихотворный тост:

За то, чтобы умолкли батареи
В глухих чехлах на долгие года.
За то, чтобы цвела земля Кореи,
Чтоб стал Вьетнам свободным навсегда!

Страна работала, приближала наступление коммунизма, в который все искренне верили. В молодости в него, кстати, верил и писатель Андрей Платонов, о котором «Известия» напишут в 1991-м.

Он умер в Москве 5 января 1951-го от туберкулеза, которым заразился в 1940-м от своего репрессированного сына-подростка (сын умер в 1943-м). Платонов прошел войну военкомом в звании капитана. Но орденов, как Симонов и Шолохов, не удостоился. Последние годы жизни бедствовал. Его смерть прошла незамеченной. Лишь спустя 40 лет «Известия» опубликуют крик о помощи дочери писателя.

Гоголь – писатель мистический, и это доказывает даже судьба его московских памятников. К 100-летию со дня смерти Николая Васильевича Гоголя, в 1951 году, решили увековечить память классика на новый лад. Первый монумент, работы Николая Андреева, справедливо считавшийся шедевром скульптуры, украшал Пречистенский (Гоголевский) бульвар еще с дореволюционных времен. Советский скульптор Николай Томский создал новый памятник. Его поставили на месте первого, а «андреевский» Гоголь стал путешествовать – сначала переместился в Донской монастырь, а позже – во двор Дома-музея Гоголя на Никитском бульваре. Хорошо еще, что он не летал! Интересно: обоих авторов памятников Гоголю с разницей в 40 лет создавали скульпторы по имени Николай. А Томский даже звался... Николаем Васильевичем. Без чудес тут точно не обошлось!

Вот и в одной из московских семей в этом же 1951 году ближе к полудню появился на свет долгожданный сын, которого нарекли Андреем. О его появлении авторитетное издание, конечно, не указало ни строчки. Точно так же, как и о его уходе из этого мира не будет сказано ни единого слова. Но я все-таки не буду забегать вперед, а расскажу вам о жизни замечательного человека. За всю свою жизнь этот человек, как истинный патриот, сделает немало. Благодаря его усилиям в небо поднимется не один летательный аппарат, и не без участия Андрея Сергеевича граждане смогут без всяческих опасений добираться из одного участка в другой за максимально короткие сроки.

Это будет гениальный авиаконструктор своего времени.

Глава первая

Направление главного удара

Дым съедал глаза. Сергей, тогда ещё не Александрович, а просто Серёжа, лейтенант Зацепин, прижался щекой к прохладному стволу ПППШ. В ушах стоял оглушительный звон после разорвавшегося рядом снаряда. Перед ним, в воронке, лежал молоденький санитар, и из его горла с бульканьем вытекала алая пена. Смерть была будничной и безжалостной.

Их батальон занял оборону в полуразрушенной деревне с незнакомым названием. Немцы контратаковали трижды, и к вечеру от роты осталось человек двадцать. Командир, капитан с посеревшим от усталости лицом, указал ему на самый уцелевший дом на окраине.

– Зацепин, там медпункт. У них рации нет. Сходи, узнай обстановку, сколько раненых, свяжись со штабом, если получится. Возьми с собой Сашку.

Дом оказался не домом, а чудом уцелевшей сельской школой. В классе с выбитыми стёклами пахло кровью, йодом и смертью. На партах, сдвинутых вместе, лежали раненые. Стонал кто-то тихо, кто-то громко, а кто-то уже не стонал вовсе.

И тут он увидел её.

Она стояла на коленях рядом с бойцом с развороченной ногой. Движения её были быстрыми и точными. Руки в крови по локоть, но ни тени сомнения или суеты. Она не замечала его, целиком отдавшись борьбе за чужую жизнь. Лицо – бледное, исхудавшее, но в глазах горел такой яростный, нестигаемый огонь, что Сергей на мгновение забыл, где находится.

– Сестра! – окликнул он, заставляя себя говорить строго, по-уставному.

Она подняла на него взгляд. Серые, усталые глаза, казалось, видели уже всё на свете. – Что, лейтенант? – Доложите обстановку. Я для связи. – Раненых семеро. Трое тяжёлых. Перевязочного нет, морфия нет. Если не эвакуируем до утра, умрут.

Она говорила чётко, без тени жалобы, словно докладывала о положении на фронте. И в этой её суровой сдержанности было что-то, от чего у Сергея сжалось сердце.

Ночью немцы начали артобстрел. Один из снарядов угодил в крыло школы. Послышался крик – рухнула часть потолка. Сергей, пригнувшись, бросился внутрь. Сквозь пыль и дым он снова нашёл её. Она прикрывала своим телом раненого юнца, а с балки прямо на неё сползала тяжёлая штукатурка. Сергей рванул её за шинель и оттащил в сторону – как раз в тот миг, когда балка с грохотом обрушилась на то самое место.

Она отшатнулась, отдышалась и посмотрела на него. В её взгляде не было страха – только холодная ярость. – Я могла его держать! – Вы могли там и остаться! – рявкнул он, сам испуганный до смерти за неё.

Они просидели в подвале до утра, прижавшись спинами к холодной земляной стене. Раненые стонали в темноте. Где-то наверху грохотало. В разгар самой оглушительной канонады она вдруг тихо спросила: – Как тебя зовут? – Сергей. – Я – Тамара.

Больше они не говорили. Но в тот миг, в аду войны, между ними протянулась невидимая нить. Нить взаимного спасения. Он спас её от балки. А она своим спокойным, твёрдым присутствием спасала его от отчаяния.

Под утро пришло подкрепление. Немцев отбросили. Раненых начали эвакуировать. Сергей помогал грузить носилки в полуторку. Когда подошла очередь Тамары, она была уже в чистой, хоть и пропитанной кровью форме. Она протянула ему свою красноармейскую кружку. – Пей. Чай, с сахаром.

Сергей выпил залпом. Горячий, сладкий чай был лучшим, что он пробовал в жизни. – Спасибо, – сказал Зацепин. – За всё.

Она кивнула, и в уголках её глаз дрогнули лучики морщин, похожие на улыбку. – Встретимся после войны, Серёжа. Расскажешь, как ты там, в своей мирной жизни.

Она прыгнула на подножку уезжающей машины. Он смотрел ей вслед, пока полуторка не скрылась за поворотом, увозя с собой частицу его сердца и обещание будущего, в которое Сергей теперь обязан был поверить.

Дым съедал не только глаза – он въедался в лёгкие, в поры, в самую душу. Сергей, привалился к грубо сколоченному аналою, изрешечённому осколками. Рядом отстреливался Сашка – Александр, – рядовой, пулемётчик, не раз спасающий Сергею жизнь.

Их было двое. Из всего взвода – двое. Остальные полегли вчера, прикрывая отход батальона. Они остались как дозор, как приманка, чтобы немцы думали, что деревня ещё держится. Деревня с незнакомым, гортанным названием, от которой теперь остались только головешки да этот старый, деревянный храм на пригорке.

Немцы взяли их в кольцо. Сперва обстреляли из миномётов, потом пошли в атаку. Они отбили три. На четвертую не было ни патронов, ни сил. Только холодная, ясная уверенность: свой долг они выполнили. Батальон успеет отойти.

– Серёга, – хрипло позвал Сашка, перезаряжая последнюю дисковую магазинную коробку к ППД. – Кажись, наш последний причал. Церковь-то, выходит, нам и домом, и крепостью оказалась.

Сергей молча кивнул. Он не верил в Бога. Его, как и всех, воспитывали в уверенности, что религия – опиум для народа. Но здесь, в этом пахнущем ладаном и кровью пространстве, под древними, почерневшими от времени ликами, было что-то, что заставляло сердце сжиматься не от страха, а от чего-то иного.

Немцы пошли в очередную атаку, деловито и методично. Видимо, поняли, что сопротивляться почти некому. Пули со свистом впились в толстые брёвна стен, звенели о металл купола и креста.

И тут Сергей увидел его. Метрах в трёхстах, из-за развалин хлева, выполз расчет с огнемётom. Два фашиста, один с баллоном за спиной, другой – со шлангом и стволом. Ледяная волна ужаса подкатила к горлу. Сжечь заживо. Здесь негде спрятаться.

– Сашка! Огнемёт! – крикнул он, вжимаясь в пол.

Сашка, не отрываясь от прицела, дал очередь. Один из немцев упал. Но второй, огнемётчик, уже поднял ствол. Длинный, жирный язык пламени лизнул стенку храма, сухая древесина тут же занялась.

– Всё, – прошептал Сашка, и в его голосе не было страха, лишь горькая усталость. – Прощай, браток.

Он перекрестился широким, небрежным жестом, как делал это в детстве, и снова прильнул к пулемёту, отвечая на огонь короткими, экономными очередями.

Сергей же смотрел на огнемётчика. На этого человека в серо-зелёном мундире, который сейчас превратит их в живой факел. Он чувствовал, как по спине ползет жар от горящей стены. Смерть была в трёхстах метрах. И она была неизбежна.

В отчаянии он повернул голову. Его взгляд упал на большую, в золочёном окладе икону Божией Матери, висевшую на центральной стене. Лик был тёмным, строгим, глаза, казалось, смотрели прямо на него, сквозь дым и ужас происходящего.

И Сергей заговорил. Не зная молитв, не веря, а просто обращаясь к Ней, как к последней надежде, как к живому существу.

– Мать... – выдохнул он, и голос его сорвался. – Ну помоги... Не дай сгореть заживо... Помоги...

Он не молился – он просил. Впервые в жизни по-настоящему, отчаянно просил.

Сашка, услышав его, обернулся. И замер. Его лицо, чёрное от копоти и пороха, исказилось гримасой изумления.

– Серёжа... Гляди... – он прошептал, указывая пальцем на икону.

Сергей присмотрелся. Из-под оклада, из тёмных глаз Богородицы, по щеке медленно, тяжело, как живая слеза, скатилась и побежала вниз капля густой, янтарной жидкости. Она блестела в отсветах пожара. Потом вторая. Икона плакала.

– Мир... – благоговейно прошептал Сашка. – Мироточит, Серёга... Она с нами...

В этот миг снаружи раздался нарастающий, оглушительный гул. Не миномётный, не пулёмётный. Глухой, мощный, рокошующий. Гусеничный.

Сергей рванулся к окну, рискуя быть сражённым пулей. И увидел. Из леса, сминая кустарник и плетни, выползали наши 34-ки. За ними, с криками «Ура!», бежала пехота.

Немцы, застигнутые врасплох с тыла, запаниковали. Огнемётчик бросил свой аппарат и побежал. Атака захлебнулась в считанные секунды.

В храм ворвались наши бойцы. Санитары бросились к бойцам.

Сергей стоял, прислонившись к стене, и не мог пошевелиться. Он смотрел на икону. Слёзы на лице Богородицы высыхали, оставляя лишь тёмные, блестящие дорожки.

Сашка подошёл к нему и тяжело опустил руку на плечо.

– Видел? – спросил он.

– Видел, – кивнул Сергей.

Зацепин вышел из церкви на подожжённую фашистами паперть. Воздух пах гарью, порохом и... чем-то новым. Жизнью. Он был жив.

Тогда, стоя на пепелище, он дал себе слово. Если выживет в этой войне, его жизнь будет другой. Он будет жить так, чтобы быть достойным этого чуда. Чтобы тот взгляд, полный скорби и милосердия, не был напрасным.

А Сашка, его боевой товарищ, в тот же день поклялся, что если останется жив, примет сан. И сдержал слово, став после войны отцом Александром.

Мирная жизнь наступала медленно и болезненно. Москва, 1946 год. Повсюду – руины, очереди, люди с потухшими глазами. Тамара Фёдоровна, демобилизовавшись, устроилась медсестрой в заводскую поликлинику. Война оставила в ней глубокий шрам – не физический, а душевный. Тишина по ночам казалась ей подозрительной, а запах йода и пыли вызывал в памяти не больницу, а тот самый класс с выбитыми стёклами.

Она жила у тётки, ходила на работу и старалась не думать о будущем. Будущее казалось туманным и ненужным. Она выжила – и на этом всё.

Как-то раз её вызвали в цех – рабочий получил травму. Цех гудел, пахло металлом и машинным маслом. Пока она перевязывала ошпаренную паром руку токаря, почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она подняла глаза – и обомлела. В дверях цеха, в форменной одежде начальника смены, стоял он. Высокий, худой, с теми самыми усталыми, но твёрдыми глазами. Сергей. Он подошёл, не сводя с неё взгляда. – Сестра, – сказал он тихо, и в его голосе прозвучало что-то такое, отчего у Тамары ёкнуло в груди. – лейтенант, – ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Он проводил её до проходной. Шли молча. Москва встретила их морозящим дождём. – Я тебя искал, – вдруг сказал он, остановившись. – После госпиталя. Писал запросы. Мне сказали, что ты демобилизовалась и уехала в Москву. Я отправил сюда десять писем. На твоё имя, в главный военкомат. – Я... я не получала, – прошептала Тамара. Она смотрела на него и видела не начальника смены, а того самого лейтенанта в запylённой гимнастёрке. – Я теперь здесь работаю, – сказал Сергей. – Восстанавливаю завод. Учусь на вечернем. Он помолчал, глядя на мокрый асфальт. – Ты помнишь своё обещание? Рассказать о мирной жизни? – Я ничего не обещала, – сдержанно ответила Тамара, пряча внезапно навернувшиеся слёзы. – Я сказала: «Встретимся после войны – расскажешь». – Ну вот, встретились, – он неуверенно улыбнулся. – Моя мирная жизнь... она пока что вся здесь. Завод, общежитие, институт. И... надежда тебя найти.

Они стояли под дождём у проходной завода, два бывших солдата в серой, послевоенной Москве. Вокруг них кипела жизнь, город зализывал раны, но для них в этот момент существовали только они двое.

– Пойдём, – наконец сказала Тамара, и её голос смягчился. – Я живу недалеко. Я приготовлю ужин. – И чай. С сахаром. – Хорошо, и чай с сахаром...

Он взял её санитарную сумку, и их пальцы ненадолго соприкоснулись. Это прикосновение было тёплым и таким долгожданным, что Тамара поняла – её личная война, наконец, закончилась.

Они шли по её улице, только, только закончился дождь. Вечерний воздух был влажным и свежим, пахло мокрым асфальтом и сиренью. Они не говорили о войне. Он рассказывал про станки, которые никак не могли настроить, она – про то, как тётка учила её варить на скорую руку борщ.

В коммунальной квартире пахло капустой и лавандой – тётка перед уходом разложила её в комод от моли. Тамара провела Сергея в свою комнату, притворив дверь.

– Тёти Кати не будет, до вечера, – сказала она, снимая платок.

Комната была крошечной: две железные кровати, посередине комнаты стол и у окна, комод. На подоконнике цвела герань, а на стене висел коврик с лебедями – единственная роскошь, привезённая с войны.

Сергей сел за стол, положив ладони на столешницу. Тамара села напротив. И снова – это молчание, густое, как мёд. Он смотрел на её руки, лежавшие рядом с его руками. Руки, которые он помнил в крови, а теперь они были просто руки – узловатые вены, коротко стриженные ногти, след от ожога на указательном пальце.

Тамара заметила его взгляд и смущённо убрала руки под стол.

– Не прячь, – попросил он. – Какие у тебя красивые пальцы.

Она покраснела, как девчонка. – Что ты... Обычные руки.

– Красивые, – повторил он твёрдо. – Я два года искал тебя.

– Два года, – повторила она, глядя в стол.

– Два самых долгих года моей жизни.

Она встала, чтобы скрыть дрожь в коленях, подошла к примусу, который стоял в углу. Налила чай в две чашки – не фронтовые, а мирные, с блюдами.

Сергей взял свою кружку, сделал глоток. Горячее, сладкое.

– Такой же вкусный, как и в прошлый раз.

Тамара улыбнулась, и в этот миг он сказал просто, без пафоса, как констатировал бы факт:

– Выходи за меня замуж.

Она замерла с кружкой в руках.

– Я не смогу без тебя жить. Просто не смогу. Будь моей женой.

В комнате стояла такая тишина, что слышно было, как на кухне капает вода из крана. Тамара медленно поставила чашку на стол. Потом подняла на него глаза – серые, усталые, и такие полные.

– Да, – сказала она. И слово это было тихим, но окончательным. – Да, Серёжа.

Через пять лет, ровно в полдень на свет появится их первенец – Андрей, будущий гениальный авиаконструктор, а за тем и дочурка Анна, Зацепины.

Сергея Александровича Зацепина через несколько лет после рождения детей назначили мастером на формовочном участке.

Участок был его новым фронтом. Вместо карты – синюшные чертежи на стене мастерской. Вместо роты – два десятка формовщиков, в основном женщины да безусые пацаны. Лица у всех были серые от усталости и той же пыли.

План висел над ним Дамокловым мечом. Не абстрактный «план», а конкретные цифры: столько-то плит перекрытия для домов на Щербаковской, столько-то стеновых панелей для квартала у Рогожской заставы. Цифры эти он видел во сне, выбитые на бетонных плитах.

Он вставал затемно. Пока Тамара спала, прикорнув на его плече, он уже мысленно обходил свой участок: проверить вибрационные столы, где трамбуют бетон, осмотреть опалубку, принять с ночной смены партию сырых, тяжелых плит. Он уходил на завод раньше всех и возвращался затемно, пахнувший цементом и машинным маслом. Этот запах въелся в его кожу, как когда-то въелся пороховой дым.

– Опять не спишь, – говорила Тамара, встречая его у двери. Она совала ему в руки кружку, и он пил чай, молча, глотая вместе с горячим питьем свою тревогу.

На участке что-то ломалось каждый день. То конвейерная лента порвется, то мотор на смесителе задымит. Он сам лез в гудящую, замасленную механическую утробу, чувствуя себя сапером на минном поле. Одна ошибка – и простой, срыв графика. Он требовал, ругался, его голос, сорванный когда-то на плачу, теперь срывался на крик в цеховом грохоте. Но видел – женщины, выбиваясь из сил, таскали тяжеленные каркасы арматуры, а пацаны засыпали стоя, прислонившись к стене у тачки с раствором. И злость его уходила, сменяясь горькой, щемящей жалостью. Они все были как он – с измотанными нервами, с войной внутри.

Как-то раз не пришел песок. Ждали три часа. Сергей метался по цеху, кулаки сжимались сами собой. Каждая минута – это отставание, это потом ночная работа, это выговор, это позор. Он поймал на себе взгляд старшего формовщика, немого дяди Васи, прошедшего всю войну и потерявшего голос в сорок третьем под Харьковом. Дядя Васи посмотрел на него спокойно, понимающе, и медленно, по-солдатски, кивнул: мол, держись, командир. Этот кивок значил для Сергея больше, чем любая начальственная похвала.

Песок привезли. Работа закипела с лихорадочной, яростной скоростью. Он не уходил со сменой, оставался с ночными, сам встал к формовочному столу. Руки легко справлялись с вибратором. Цементная пыль забивалась под ногти, смешиваясь с потом.

Он пришел домой под утро, сел на табурет в прихожей и уснул, не снимая шапки и бушлата. Тамара разбудила его, разула, отвела к кровати. Она не спрашивала ни о чем. Она смотрела на его исхудавшее, запыленное лицо и гладила его по волосам, как когда-то гладила раненых бойцов – молча, с той же безграничной нежностью и силой.

И вот настал день, когда последнюю плиту в партии, ту самую, для Рогожской заставы, погрузили на самосвал. Сергей стоял и смотрел, как многотонные машины, урча, выползают из цеха. План был выполнен. С опозданием на шесть часов, но – выполнен.

Он пошел в свою мастерскую, прикрыл за собой фанерную дверь, сел на стул и опустил голову на руки. Не для того, чтобы плакать. Просто посидеть в тишине, в которой уже не гудел цех, не звонил телефон, не требовали немедленного решения неотложные проблемы. В тишине, где был только стук его собственного сердца, медленно утихающего после тяжёлого боя, где он снова удержал свой рубеж. Не сдал позиций. И завтра, завтра, все начнется сначала. Но сегодня он мог идти домой к Тамаре, и детям.

Апрель 1961 года. Обычный школьный день оборвался на полуслове, когда по всему классу внезапно зазвучал голос Левитана – не просто торжественный, а какой-то пронзительный, наполненный сдержанным ликованием. Учительница замолкла, поднесла руку ко рту. «Человек в космосе... Юрий Алексеевич Гагарин...»

Школа высыпала во двор. Незнакомые взрослые обнимались, кто-то плакал, не стесняясь слёз. Андрей стоял, задрал голову, и смотрел в холодное апрельское небо. Оно было пустым, но теперь он знал – там, высоко-высоко, выше облаков, летит наш человек. Не птица, не самолёт, а человек в специальном корабле. Мысли путались, сердце колотилось где-то в горле.

Дома все собрались у радиоприёмника – родители, соседи, даже вечно занятый папин начальник. Андрей сидел на полу, поджав ноги, и ловил каждое слово. «Великая победа...

триумф советской науки...» Он не всё понимал, но чувствовал главное: произошло что-то огромное, что-то, что перевернуло всё.

Перед сном он подошёл к окну. Звёзды казались ему теперь ближе, а небо – не бездной, а дорогой. – Пап, – тихо сказал он отцу, – а как он там летит? На чём? Сергей Александрович, глядя на серьёзное лицо сына, ответил просто: – На ракете, сынок. Умнейшей машине. Её самые умные люди придумали.

С этого дня небо для Андрея перестало быть просто небом. Оно стало целью. Сперва он вырезал из газет все заметки о Гагарине и Королёве, наклеивал в тетрадь. Потом, уже в 1963-м, робко попросил отца: – Пап, а нельзя найти книжек... про ракеты? Как их делают?

Сергей Александрович, удивлённый такой осознанной просьбой, через неделю принёс домой потрёпанный томик Циолковского и пару технических журналов. Андрей ушёл в чтение с упорством, не по-детски сосредоточенным. Он мог сидеть часами, водя пальцем по непонятным формулам и схемам, вглядываясь в рисунки дирижаблей и ракетных поездов.

– Ну как, понимаешь что-нибудь? – смеясь, спрашивала Аня. – Пока нет, – хмуро отвечал Андрей. – Но пойму. Обязательно пойму.

Вскоре на его столе, рядом с тетрадями, появилась первая коробка с картонными деталями – простейшая модель планера. По вечерам, закончив уроки, он садился её клеить. Запах специального клея «Момент» стал запахом его мечты. Он был ещё обычным мальчишкой, гонявшим во дворе в футбол, но в его комнате уже рождался будущий конструктор – упрямый, вдумчивый и навсегда влюблённый в небо. А его отец, на которого Андрей всегда ровнялся, в первый день осени 1963 года шел по длинному коридору, Сергея Александровича вызвали в райком. Он шел, гадая, за что ему влетит: то ли за срыв поставок щебня, то ли за ту самую историю с прогулом двух формовщиков, которых он отказался увольнять.

Кабинет был просторный, пахло табаком и старым деревом. Секретарь райкома, Матвеев, человек с непроницаемым лицом и тяжёлым взглядом, сидел за столом и разглядывал какую-то бумагу.

– Зацепин, садись, – сказал он, не глядя. Сергей сел на краешек стула, внутренне собравшись, как перед атакой.

Матвеев отложил бумагу и уставился на него. – Директор Семёнов слег. Инсульт. Врачи говорят, что надолго. Заводу нужен новый директор.

Сергей молча кивнул. Он хорошо знал Семёнова и искренне сожалел о его болезни.

– Партийная комиссия рассмотрела кандидатуры, – Матвеев сделал паузу, вглядываясь в него. – Решили рекомендовать тебя.

В ушах у Сергея отозвался тот самый оглушительный звон, как когда-то после разорвавшегося снаряда. Комната поплыла. Ему показалось, он ослышался.

– Меня? – выдавил он. – Товарищ Матвеев, я... я мастер участка. Я инженер. Я не...

– Мы знаем, кто ты, – сухо прервал секретарь. – Знаем твою фронтовую биографию. Знаем, как ты вытянул формовочный участок. Заводу не нужен кабинетный стратег. Ему нужен боец, который знает производство изнутри и не боится ответственности. Который не разбегится при первой же трудности.

– Но я... – Сергей искал слова, чувствуя, как на него наваливается груз, в тысячу раз тяжелее любой бетонной плиты.

– Приказ выйдет завтра, – Матвеев поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Поздравляю, товарищ директор. Завод в твоих руках. Не подведи.

Он вышел из кабинета, и его будто вывернуло наизнанку. Он не чувствовал ни гордости, ни радости. Только леденящий ужас и полную, абсолютную пустоту. Он шёл по мокрому асфальту, не видя ничего вокруг, и повторял про себя: «Не подведи. Не подведи».

Дома он молча вошел в комнату, снял промокшие ботинки и сел за стол, уставившись в одну точку. Тамара сразу поняла, что случилось что-то из ряда вон.

– Серёжа? Что случилось? Он с трудом поднял на неё глаза. – Меня... назначили директором. Завода.

Тамара замерла с заварочным чайником в руке. Потом медленно поставила его на стол. – Директором? – переспросила она тихо.

Он только кивнул, сторбившись, словно под невидимой тяжестью. – Я не справлюсь, Тома. Это не участок. Это... Это всё. Тысячи людей. План. Ответственность перед государством. Я не смогу.

Тамара подошла, обняла его сзади и прижалась щекой к его виску. – Сможешь, – сказала она просто. – Ты ведь всегда справлялся

На следующий день он вошёл в свой новый кабинет. Большой, с кожаным диваном и огромным, пустым столом. Отсюда не было слышно гула цехов, не пахло цементом. Здесь было тихо и страшно.

Первой его просьбой к секретарше было принести все отчёты за последний год, текущие планы, ведомости по поставкам. Он сидел над кипами бумаг до глубокой ночи, вчитываясь в цифры, которые складывались в картину гигантского, еле дышащего организма. Завод был на грани срыва плана. Не хватало материалов, оборудования, людей. Станки были изношены до предела.

Через неделю он собрал первое совещание. В кабинете сидели его бывшие начальники – главный инженер, начальники цехов, люди с опытом и учёными степенями. Они смотрели на него с нескрываемым скепсисом.

Сергей встал. Он не умел говорить красивых речей. – Я не буду долго говорить. Ситуация тяжёлая. План сорвём, если будем работать как раньше. С завтрашнего дня все отчёты – мне лично. Каждый срыв – на моём столе через час. Поставки материалов буду пробивать сам. Вопросы есть?

Вопросов не было. Все молчали, поражённые его спокойной, железной уверенностью. В его голосе не было нервозности вчерашнего мастера. Стоял командир, привыкший отдавать приказы под огнём.

И работа закипела. Он не сидел в кабинете. Он был в цехах, в литейке, где плавил металл, в ремонтных мастерских. Он мог встать к станку рядом с рабочим, чтобы показать, как устранить люфт. Он ночевал на заводе, его пиджак, пахнувший дымом и потом, висел на спинке стула рядом с белыми рубашками.

Он учился. Учился у своих подчинённых, у рабочих, у жизни. Учился быть не бойцом и не мастером, а командиром большого корабля, чувствуя ответственность за каждую заклёпку в его корпусе.

Глава вторая

Москва, 1964 год. Первый майский день выдался на редкость тёплым. От Белорусского вокзала двинулась праздничная колонна. Шли, как полагалось, весело и с размахом – с песнями, транспарантами и лозунгами вроде: «Даёшь завтра больше, чем сегодня!». Семья Зацепиных ни разу не пропускала Первомайских демонстраций. Да и как они могли их пропускать, если отец семейства, Сергей Александрович, с недавних пор являлся директором железобетонного завода. Какой же пример подал бы он работникам своим отсутствием? Зацепины шагали в первых рядах родного предприятия, задавая общий ритм и настроение. В тот день с ними впервые шли оба их ребенка – Аня и Андрей.

На следующий день, выходя из отцовской «Волги», Андрей машинально потрогал пальцем значок «Мир! Труд! Май!», оставшийся на его школьном пиджаке. Яркий солнечный день был таким же, как вчера, но теперь он освещал не море радостных лиц, а скучный асфальт школьного двора. Праздник кончился, начались будни.

У порога его уже поджидал Олег, лучший друг, с которым они были не разлей вода с первого класса. – Андрей, ты сегодня с нами в футбол? – поинтересовался он. – Нет. Я хотел доклеить макет, – ответил Андрей. – Выходи! Поиграем часик, а потом доклеишь свой самолёт. – Понимаешь, там самая тонкая работа начинается. Никак не смогу, прости. – Ну, как знаешь. Давай прибавим шаг, а то на урок опоздаем. Людмила Валентиновна не любит, когда опаздывают. – Ань, мы побежали, чтоб не опоздать! – крикнул Андрей сестре, и они ускорились.

На физике мысли его витали далеко от урока. Он обдумывал, как надёжнее скрепить фюзеляж и заменить пластмассовые шасси на более совершенные, максимально приближенные к настоящим. Ломал голову, где достать уменьшенную копию, и понимал, что без помощи отца тут не обойтись.

– Я смотрю, у нас Зацепин слишком активно крутится, – раздался голос учительницы. – Стало быть, материал усвоил лучше всех? – Я слушаю, слушаю! – встрепнулся Андрей. – Выходи к доске! Теперь мы тебя с удовольствием послушаем. Андрей вышел, взял мел и вопросительно посмотрел на преподавателя. – Пиши. Первое тело массой в три килограмма движется со скоростью один метр в секунду, а второе тело массой один килограмм – со скоростью три метра в секунду в противоположном направлении. Равны ли импульсы этих тел? Реши задачу, и я поверю, что ты меня слушал. Андрей взглянул на учительницу и принялся за решение, сопровождая его комментариями. – Импульсы равны по модулю, согласно формуле: p равно m , умноженное на v . Модуль импульса первого тела: три умножить на один – три килограмма-метра в секунду. Модуль импульса второго: один умножить на три – тоже три. Следовательно, импульсы равны. – Молодец! Садись на место. Вот как нужно уметь решать поставленные задачи!

Аня на уроке литературы смотрела в окно. Несмотря на начало мая, на улице установилась по-настоящему летняя жара. Тёплый воздух и предвкушение свободы не давали ей сосредоточиться. Все мысли были около кинотеатра, а никак не на уроке.

А Инесса Марковна, женщина со строгой гримасой и пучком седых волос, тем временем разбирала «Молодую гвардию». Аня, обычно с интересом слушавшая её рассказы о войне, сегодня ловила себя на том, что думает о Саше, о его загадочной улыбке и о том, как он сегодня нёс её портфель.

– Зацепина! – голос учительницы прозвучал прямо над ухом. Аня вздрогнула. – Ты, кажется, сегодня не с нами. Поделишься, о чём твои грёзы? Может, о подвиге молодогвардейцев? Девочки захихикали. Аня покраснела. – Нет, Инесса Марковна. Я... я думала о том, что даже в страшное военное время люди, наверное, всё равно влюблялись. Писали друг другу

письма. Мечтали о будущем... Класс затих. Инесса Марковна смотрела на Анну поверх очков. Все ждали взрыва. – Мечтали, – наконец произнесла учительница, и в её голосе прозвучала неожиданная нота грусти. – Конечно, мечтали. И это была их самая страшная форма сопротивления. Сопротивления смерти. Садись, Зацепина. Пять.

Выйдя из школы, девочки быстро переключились на насущное. – Аня, что у нас сегодня в кино показывают? – спросила Настя. – «Три тополя на Плющихе». Ты собралась? – Я ещё не решила. Меня Саша пригласил, а я ответить не могу! Как думаешь, сходить с ним? Он вроде ничего, симпатичный! – Сходи, – поддержала подругу Аня. – Я подумаю! Если не пойду, забегу к тебе. Ты будешь дома? – Да, у меня сегодня английский. – Бедная ты, Анька. – Вот и я о том же. Зачем он мне, этот английский? Я бы лучше латынь освоила. – А латынь тебе зачем? – Хочу в медицинский поступать.

Аня поднялась по лестнице, вставила ключ в замочную скважину, но не смогла его повернуть. Она знала, что дома в это время никого не бывало, она всегда возвращалась первая, но, преодолев лёгкий страх, всё же вошла внутрь. – Дома есть кто? – несмело окликнула она. – Есть. Ты что, сестрёнка, так кричишь? – Фу, дурак! Напугал до смерти! Ты что так рано? С уроков сбежал? – Нет, Ольга Сергеевна заболела, а биология у нас последним уроком была. Нам разрешили уйти. – Заболела? А у нас завтра биология первым. Может, ко второму уроку пойти?.. Ты чем занят? Опять свои самолётики клеишь! Не надоело? Смотри, какая на улице погода! Пригласил бы Светку погулять. Она от тебя без ума. – Не хочу. Ты суп на плиту поставила? – Поставила. – Иди помешай, а то подгорит. А меня, пожалуйста, не донимай. – Смотрите, какие мы нервные, слова не скажи! Ой, Андрей, смотри, папка приехал! – Где? – Выгляни в окно. Видишь, «Волга» к подъезду подъехала? – А что он так рано? Отец вошёл в квартиру. – Папочка! Ты будешь кушать? – встретила его Аня. – Да, милая, буду! – Пап, ты почему так рано? – удивился Андрей. – Я, сынок, в командировку еду. Решил переодеться и вещи собрать. – Ты не мог бы посмотреть там... Ну, куда ты едешь... Одним словом, мне нужны шасси! В модели они пластмассовые, а я хочу поставить настоящие, ну, или почти настоящие. – Я попробую, конечно. Но сам понимаешь, ничего не обещаю. Покажи, как они должны выглядеть. – Вот, смотри: это пластмасса, а мне нужны металлические, с резиновыми колёсами, – уточнил Андрей. – А может, их и в природе не существует? – Есть! Мне о них Егор рассказывал, он видел у Лёшки. Тот поставил их на модель Туполева. – Хорошо, сынок, постараюсь найти. Может, тебе в кружок авиаконструкторов записаться? – Зачем, пап? Я клею макеты так, как вижу их сам, а в кружке работают по шаблонам. – А ты, выходит, к своим шестнадцати годам по шаблонам работать уже не желаешь? – Выходит, так! – А как же быть с тем, что если ты решишь связать жизнь с самолётостроением, тебе придётся работать по шаблонам? Боюсь, без этого никак. – Когда это ещё будет! Мне об этом рано думать. – Нет, сынок! Так только кажется, что жизнь длинная и всё успеется. Иллюзия! Не заметишь, как институт окончишь, и твои труды начнут приносить плоды государству. – В институт ещё поступить надо. – Поступишь! – А мне кажется, что моё счастливое детство будет длиться вечно. – Мне тоже так казалось! Но не успел я институт окончить, как война началась. А на войне я научился ценить каждый день, который мне свыше отпущен. – Свыше? – Конечно, свыше! – Ты веришь в Бога? И не боишься об этом говорить? Ты же член партии. – Ты уже взрослый, поэтому я отвечаю тебе как равному. Ты спрашиваешь, не боюсь ли я? Нет! По-настоящему страшно мне было там, где рядом рвались снаряды. Страшно было в тех местах, где из-за угла могла подстеречь смерть. Вот там я боялся по-настоящему. Пока наш отряд не занял оборону в одной полуразрушенной деревушке. Мы отбили три атаки, и как ты думаешь, где нам пришлось держать оборону в последний раз? – Не знаю. – В храме! Вернее, в маленькой деревенской церквушке. Я стоял у узкого оконца и вёл огонь. Враг был беспощаден, они практически стёрли ту деревню с лица земли. – Но вы её отстояли? – Ценой больших потерь. Фашисты выжгли огнёмётами почти все дома и вплотную подобрались к церкви. И вот тогда произошло чудо! – Чудо?! – Да, сынок,

самое настоящее чудо! Я стоял у окна, слышал, как пули звенят, врезаясь в стены и купол. И когда метрах в трёхстах я заметил карателя с огнёмётом, понял – это конец. Невольно повернул голову к иконе Богородицы... Трудно передать словами, что я увидел. Образ Девы Марии мироточил! – Это как? – Это когда икона плачет! – Плачет? – Да, плачет. В тот день она заплакала от фашистского зверства. Я почувствовал невидимую связь с ней, с Богом, встал на колени и начал молиться! – Ты знал молитвы? – Нет, не знал. Я просто говорил с иконой, как с живой. Как мы сейчас с тобой. Просил пощады, спасения... И ты не поверишь – не прошло и пяти минут, как к нам подошло подкрепление. Я услышал гул наших танков! Фашисты отступили. А я вышел из того храма совершенно другим человеком. – Мужчины, вы идёте? – окликнула их Аня, прерывая беседу. – Идём, милая, идём! – отозвался отец.

Андрей и Аня росли в обычной московской квартире на третьем этаже кирпичного дома. Летом окна выходили на зелёный двор, где мальчишки гоняли мяч, а девчонки играли в «классики». Зимой взгляду открывалось белое поле, где с утра до вечера стоял визг санок и скрипел под лопатами снег.

Андрей с ранних лет любил мастерить. Его можно было застать либо с книгой про самолёты, либо с клеем и ножницами в руках. Бумажные модели, вырезанные из журналов «Крылья Родины», теснились на полке, а под кроватью ютились коробки с обрезками фанеры, алюминиевыми пластинами и старыми болтиками. Его комната больше походила на маленькую мастерскую.

Аня была другой. Она проводила больше времени с книгами, но не с чертежами, а с романами и стихами. Она любила смотреть в окно и мечтать – то о далёких странах, то о сцене, то о будущей профессии.

Они ссорились, как все дети. Андрей дразнил сестру за «вздыхания над книжками», а Аня называла брата «самолётчиком» и ворчала, что от его клея в квартире нечем дышать. Но при этом были неразлучны. По вечерам они слушали рассказы отца о войне: о деревенской церкви, где случилось чудо, о фронтовых друзьях, которых он запомнил навсегда. А мать, готовя ужин, мягко вставляла: «Учитесь быть людьми. Самолёты и книги – это хорошо, но главное – себя не потерять».

У Андрея было особое чувство к небу. Порой он часами лежал во дворе на траве, следил, как над Москвой проплывают серебристые Ил-18 или редкие военные истребители, и представлял, что однажды в кабине такого самолёта будет сидеть он.

Аня, напротив, тянулась к людям. В школе она опекала слабых и обиженных, могла заступиться даже за мальчишку, которого все дразнили. Учителя часто говорили матери: «Дочка у вас – с сердцем».

Детство Зацепиных было советским – со школьной формой, горьковской «Книгой о бойце» в списке чтения, с походами в кино и пионерскими кострами. Но за всеми этими обычными деталями скрывалось главное: Андрей и Аня учились смотреть на мир по-разному. Он видел линии, схемы и крылья будущих машин. Она – человеческие судьбы, слёзы и умы. Именно это различие и сделало их такими, какими им было суждено стать: инженером и врачом, братом и сестрой, двумя половинами одной семьи.

А ещё в их доме всегда ощущался тихий, но твёрдый голос матери – Тамары Фёдоровны. Она была женщиной светлой и надёжной, хранительницей домашнего очага. В квартире почти всегда пахло пирогами, щами или свежим хлебом. Готовка для неё была не обязанностью, а радостью.

По вечерам, когда отец читал газету, а дети готовили уроки, она садилась у окна с вязанием или шитьём. Под её руками рождались свитера для Андрея, платья для Ани, кружевные салфетки для стола.

Летом Тамара Фёдоровна увозила детей на дачу. Там она часами возилась в огороде, радовалась каждому ростку, советовала соседкам, как лучше подвязать помидоры. «Смотришь – и видишь, как жизнь растёт прямо из земли», – говаривала она.

Дни на даче текли так же беззаботно, как и в городе. В городе стояло знойное лето, трава на газоне выгорела и пахла пылью. Андрей с Анюткой лежали на спине, уставившись в бесконечную синеву над головой. – Вон тот, гляди, прямо дракон! – прошептала Аня, указывая на причудливое облако. – Нет, – не отрывая взгляда, флегматично ответил Андрей. – Это «Ту-104». Видишь, крылья стрелочкой? А вон тот, пузатый, – «Ан-2», «Кукурузник».

К ним неспешно подошёл дядя Паша, опираясь на свою неизменную метлу. – Андрюх, опять небо клеишь? – прищурился старик. – Гляди, голуби разлетятся от твоих самолётов. Андрей приподнялся на локте, глаза его загорелись. – Дядя Паша, а вы знаете, почему облака не падают? Потому что воздух обладает подъёмной силой! Вот если сделать крыло с таким профилем... – он начал выводить в воздухе замысловатые кривые. Дядя Паша внимательно слушал, покачивая головой, будто проверяя, накрепко ли она прикручена. – Эх, парень, – наконец произнёс он. – Ум – хорошо, а два – не помеха. Только гляди в оба, а то в небе, как и на земле, без оглядки пропасть недолго. Лети высоко, да не забывай, где земля-матушка. Он потрепал мальчика по волосам, поправил метлу на плече и пошёл прочь, оставив их под безоблачным небом, где уже рождались крылатые машины будущего.

Город утомлял своим зноем, но ближе к выходным семья обязательно выбиралась на дачу. Были у Тамары Фёдоровны на даче свои маленькие радости: книги о воспитании, журналы «Работница» и «Здоровье», походы с детьми в гости и в кино. Она любила музыку по радио – от Утёсова до Чайковского, от Анны Герман до старых романсов. Слушая, закрывала глаза и тихо улыбалась: «С музыкой жить легче».

Но главное – в любой ситуации Тамара Фёдоровна умела сохранить мир в семье. Если отец бывал излишне строг, она мягко сглаживала острые углы; если Андрей с Аней ссорились, находила слова, чтобы их помирить. «Всё в жизни можно потерять, – говорила она, – но, если семья держится, значит, ты не один».

Однажды Андрей смастерил в городе огромного бумажного змея. Не просто ромб, а сложную конструкцию с хвостом и деревянным каркасом, подсмотренную в «Юном технике».

День испытаний настал. Во дворе собралась вся ребятня. Дули сильные ветра – самое то для запуска. – Держи крепче! – скомандовал Андрей Ане, которая, задрав голову, придерживала змея. – Держу! Лети, мой хороший! – прошептала она ему на ушко. Андрей разбежался. Верёвка натянулась, змей дрогнул, неуверенно подпрыгнул... и вдруг могучий поток воздуха подхватил его. Он рванул вверх, словно живой, – стремительный и грациозный, поблёскивая на солнце голубыми бумажными боками. – Полетел! – закричал Андрей, и в его голосе звучал не детский восторг, а торжество творца. Он стоял, запрокинув голову, чувствуя, как дрожит и поёт в его руках верёвка – нить, связывающая его с небом.

Аня смотрела то на змея, парившего высоко-высоко, почти у самых облаков, то на брата. Его лицо, озарённое изнутри, было прекрасно. В тот миг она поняла: его самолёты – не просто игрушки. Это нечто гораздо большее. – Андрей, – сказала она, когда он начал сматывать леску. – Ты настоящий волшебник. Он улыбнулся ей в ответ.

Глава третья

В командировку Сергей Александрович прибыл ранним утром. Ленинград встретил его прохладой и настойчивым перезвоном трамваев. На железобетонном заводе, куда он направлялся, коллеги уже ждали его.

В кабинете директора обсудили рабочие вопросы – планы по поставкам, новые методы формовки, организацию труда. После беседы втроём – директор, мастер цеха и Сергей Александрович – отправились в цех. Там стоял оглушительный гул: воздух был густ от запахов цемента, стали и резины; стук молотов и скрежет металлических форм сливались с голосами рабочих. Сергей Александрович внимательно слушал мастера, задавал вопросы, отмечал для себя полезные новшества.

Вернувшись в кабинет, они подписали бумаги, сверили графики и уже собрались расходиться, как Сергей Александрович вспомнил о просьбе сына.

– Коллега, – обратился он к директору, – не подскажете, где у вас в городе можно раздобыть шасси для авиамоделей? Только не пластмассовые, а настоящие, металлические, с резиновыми колёсами. Сын выпросил – уж очень руки чешутся, всё самолётики свои клеит.

Директор задумался, поглаживая подбородок. – Вопрос сложный... Попробуйте в «Умелых руках», там разное бывает. Загляните в Пассаж. И, конечно, Гостиный двор – там есть всё, хотя и давка невообразимая.

– Благодарю, – улыбнулся Сергей Александрович. – Обязательно загляну.

Попрощавшись с коллегами, он отправился по указанным адресам. В «Умелых руках» полки оказались пусты – продавщица лишь развела руками: «Были ещё вчера, всё разобрали». В Пассаже постигла та же неудача. И лишь в Гостином дворе, где толпа сновала во всех направлениях, где каждый спешил, толкался, хватал товары с прилавков. Сергею Александровичу удалось выстоять очередь и получить заветный ответ.

– Шасси для моделей? Есть пара комплектов, недавно завезли, – сказал продавец и достал из-под прилавка небольшую коробочку.

Сергей Александрович расплатился, аккуратно уложил покупку в портфель и вышел на улицу с неожиданно лёгким сердцем. Усаживаясь в свою «Волгу», сказал водителю: – Всё, Игорь, можно ехать домой.

Машина плавно тронулась с места, набирая скорость по ленинградской мостовой. Спустя несколько минут водитель спросил: – С заданием справились, Сергей Александрович?

– Да, Игорь, справился, – с удовлетворением ответил директор. – Андрюшка обрадуется.

– И правильно! – улыбнулся Игорь. – А вот мой Егор, знаете ли, совсем не усидчивый. Спорт да беготня – вот его страсти. Ни в шахматы его усадить, ни за конструктором удержать. Один у него интерес – мяч, хоккей да дворовые разборки.

– У всех дети разные, – мягко ответил Сергей Александрович. – Одни мечтают о небе, другим подавай движение на земле. Главное, чтобы честными людьми выросли.

Через несколько часов они были уже в Москве. Первым делом Сергей Александрович заехал домой. Андрей, услышав, что отец привёз из Ленинграда подарок, вылетел в прихожую. Увидев в его руках заветные металлические шасси с резиновыми колёсами, мальчик просиял.

– Папа! Настоящие! Спасибо! – воскликнул он, крепко обняв отца.

Вернувшись под вечер, Тамара Фёдоровна застала дома редкую идилическую картину: Андрей, расположившись на полу, старательно примеривал новые шасси к фюзеляжу Ту-104, а Сергей Александрович, сняв пиджак и галстук, сидел в кресле с газетой «Правда» – не читал, а с тихой улыбкой наблюдал за сыном.

– Ну что, конструктор, доволен? – спросила Тамара Фёдоровна, вешая пальто.

Андрей лишь кивнул, не отрываясь от работы, но по сжатым губам и сосредоточенному взгляду было ясно – это и есть высшая степень счастья.

– Спасибо, пап, – наконец выдохнул он. – Они идеально подходят.

За ужином, за большим круглым столом, накрытым клетчатой скатертью, царила особая, праздничная атмосфера. Пахло щами и свежим хлебом. Аня, помирившись с братом, с жаром рассказывала о новой подруге в школе, которая приехала из Ленинграда и своими глазами видела море.

– Пап, а ты в Ленинграде Неву видел? – спросила она, вытирая куском хлеба тарелку со сметанным соусом.

– Видел, – улыбнулся Сергей Александрович. – Широкая, холодная. И мостов там, Анечка, не сосчитать.

Андрей слушал, отложив в сторону нож с вилкой. Его взгляд был устремлён в одну точку, теряясь где-то вдали.

– О чём задумался, сынок? – спросила Тамара Фёдоровна.

– Представляю, какой должна быть подъёмная сила, чтобы преодолеть такую влажность, – тихо проговорил он. – Над рекой, над морем... Воздух-то другой, плотнее.

Сергей Александрович и Тамара Фёдоровна переглянулись. В такие мгновения они особенно остро понимали, что живут под одной крышей с человеком, чьи мысли вечно парили где-то высоко, в недостижимой для них вышине.

И в ту самую минуту Сергей Александрович с абсолютной ясностью осознал, что все хлопоты, утомительные очереди и долгая дорога стоили того.

Глава четвертая

Город рос вверх, обрастая бетонными кварталами, похожими друг на друга как солдаты в строю. Из громких уличных репродукторов всё чаще доносились не призывы, а песни – «Не кочегары мы, не плотники» и раскатистое «Я ясный, я ясный, как солнышко, горячий...». Война окончательно ушла в кино и в книги, её место заняла романтика – стройотряды, гитары у костра, покорение целины и покорение космоса, уже ставшее привычным.

Казалось, жизнь налаживается. В магазинах появилась тушёнка с веселой этикеткой «Венгерская», а на кухнях, за стеклянными дверцами сервантов, выстраивались бордовые баночки с болгарским лечо. Страна принарядилась в костюмы из искусственного шёлка и уверенно смотрела в цветное будущее, которое вот-вот должно было наступить. Но за этим фасадом ровного, предсказуемого быта зрела какая-то новая, невысказанная тоска. Ощущение, что главные свершения уже позади, а впереди – лишь бесконечная, размеренная дорога, где каждый знает свою колею.

Это было время, когда громко мечтать становилось не принято. Мечты превращались в планы, а планы – в нормы.

По окончании школы Андрей поступил в МАИ – Московский авиационный институт – и наконец погрузился в дело, которое стало смыслом его жизни. За ним не числилось ни единого долга по учёбе, предметы он осваивал лучше всех, проводя долгие часы за конспектами и доскональными расчётами.

Неожиданно даже для себя он победил на институтском конкурсе авиамоделей. Его планер, собранный вручную, продержался в воздухе дольше всех.

Вечером дома устроили импровизированный праздник. Тамара Фёдоровна испекла свой фирменный яблочный пирог. Сергей Александрович, плохо скрывая гордость, расспрашивал о деталях: о размахе крыла, о центровке. – А ты представляешь, – говорил он, и глаза его блестели, – что однажды по твоим чертежам будут летать настоящие машины? Целые лайнеры!

Аня, хоть и дразнила брата «самолётчиком», с восторгом разглядывала почётную грамоту. – Ну, ты даёшь, Андрюшка! Будешь знаменитым, а мы будем говорить: «А мы его с пелёнок знали!»

Андрей сидел, краснея и от счастья не находя слов. Он чувствовал, что его странное увлечение, над которым некоторые посмеивались, – не ерунда. Его ценят самые близкие. В этот миг он по-настоящему поверил в своё будущее.

В конце третьего курса на одарённого студента обратил внимание один из лучших преподавателей, академик, профессор университета. Для личной беседы он пригласил Андрея в свой кабинет и, едва тот переступил порог, предложил рассчитать ось крыла. Зацепин сделал это легко и изящно – подобные расчёты давно не составляли для него труда.

– Знаете, молодой человек, я много слышал о ваших способностях и ничуть в них не сомневался, – воскликнул преподаватель. – Но, увидев ваши вычисления воочию, готов заявить со всей ответственностью: вскоре в конструкторском бюро появится незаменимый сотрудник!

– Вы мне льстите! – смущённо возразил Андрей.

– Ничуть! Я лишь констатирую факт. Если бы вы только знали, на какой вершине ныне стоит советское самолётостроение! Поверьте, на слово: группа наших выпускников, в которую когда-то входил и ваш покорный слуга, была не только свидетельницей первого полёта в космос, но, можно сказать, и его организатором. Вдумайтесь: ещё не так давно при имени «Королёв» многие крутили пальцем у виска, а сегодня Сергей Павлович – гениальнейший конструктор современности! Вспомните речь Никиты Сергеевича после полёта Гагарина: «Товарищи, мы совершили прорыв столетия, а может, и тысячелетия! Но нам бы не удалось это без Циол-

ковского, Королёва и, конечно, Гагарина». Так что заявляю ответственно: и ваши блестящие способности принесут немало пользы нашей стране.

Вернувшись домой, Андрей поспешил поделиться с матерью впечатлениями от разговора. – Мам, представляешь? Сделал один несложный расчёт, а профессор так обласкал, что чуть ли не с самим Королёвым сравнял!

– Очень лестно слышать, – улыбнулась Тамара Фёдоровна. – Отцу уже рассказал?

– Ты бы ещё сказал с Гагариным! – встряла в разговор сестра. – Совсем, Андрей, помещался на своём.

– Да что ты понимаешь, Анька, в конструкторских расчётах? – В расчётах я, конечно, не смыслю. Зато в психологии, кажется, начинаю разбираться. И вижу, как ты, братец, съезжаешь с катушек от профессорского внимания.

Анна заканчивала первый курс института. Профессию она выбрала не из лёгких, решив помогать людям, которые лишились рассудка или попали в жизненные тупики, и поступила на факультет психиатрии.

– Анечка, зачем ты так? – вмешалась мать в роли миротворца. – У Андрея свои интересы, у тебя – свои. Вы оба нашли дело по душе, и дай Бог, чтобы каждый на своём пути состоялся.

– Я могу продолжить? – спросил Андрей. – Конечно, сынок.

– Понимаешь, эти сравнения для меня очень важны. Они заставляют углубляться в расчёты, искать новые решения.

– Углублённый анализ необходим в любом серьёзном деле, а в самолётостроении – и подавно, – согласилась Тамара Фёдоровна.

Она очень любила эти беседы, в которых раскрывались интересы её детей. Именно в таких, казалось бы, обыденных разговорах проступали контуры их будущего. Они охотно откровенничали с ней в тёплой, домашней обстановке. В одной из предыдущих бесед Андрей рассказывал ей о допусках углов в конструировании, а Анна поведала, что психосоматика изучает проблему взаимосвязи психики и тела, находящуюся в центре вопроса о биопсихосоциальной сущности человека. Тамара Фёдоровна мало что в этом понимала, но соглашалась с каждым их словом и изо всех сил старалась поддержать говорящего. Она невероятно гордилась детьми и верила в их светлое будущее. А они, в свою очередь, горячо любили родителей, хоть и спорили друг с другом, как, наверное, все в их возрасте.

Позже, когда на кухне остались только мать и дочь, Аня, устроившись на табуретке и обхватив колени, тихо спросила: – Мам, а ты никогда не боялась? – Чего, доченька? – не оборачиваясь, отозвалась Тамара Фёдоровна. – Что не получится. Не справишься. Вот Андрей со своим двигателем – он же гений, а всё равно сомневается. А я... я ведь людей буду лечить. Их души. А если не смогу? Если мой пациент... – она замолчала, не в силах договорить.

Тамара Фёдоровна вытерла руки фартуком, подошла и мягко пригладила дочери волосы. – Всякий, кто берёт на себя ответственность за другого, боится. Это нормально. Моя мать, когда за отцом в партизаны уходила, сапоги ему штопала – руки тряслись. Но делала. Потому что знала: без неё – никак. Запомни: твоё дело не в том, чтобы всех вылечить. А в том, чтобы каждый, кто к тебе придёт, знал – он не один. И ты с ним.

Аня прижалась щекой к её прохладной руке. Этого было достаточно.

На следующий день Аня отправилась в Ленинскую библиотеку. После разговора с матерью ей захотелось глубже изучить труды Фрейда и Юнга, которые на лекциях лишь слегка затрагивали.

В читальном зале пахло старыми книгами и пылью. За соседним столом кто-то тихо перелистывал страницы. Аня открыла тяжёлый том «Толкования сновидений» и погрузилась в чтение. Вдруг её взгляд упал на заметки на полях, оставленные предыдущим читателем – чётким, почти чертёжным почерком. «Соппротивление материала здесь проявляется в виде вытеснения», – стояло рядом с описанием комплексов.

Аня улыбнулась. Точно подмеченная, почти инженерная метафора сразу напомнила ей об Андрее. «Мы с тобой, брат, вроде бы в разном копаем, – подумала она, – а сталкиваемся с одним и тем же. Ты – с сопротивлением металла, а я – с сопротивлением души». Эта мысль неожиданно придала ей уверенности.

Вечером за чаем Сергей Александрович, отложив газету, внимательно посмотрел на дочь. – Говорят, ты у нас теперь в психологи подалась? – спросил он. В его голосе не было насмешки, лишь лёгкая, отцовская озабоченность. – В психосоматику, пап, – поправила Аня. – Это которые душевнобольные? – прямо спросил он. Аня вздохнула. Она ждала этого вопроса. – Не только. Это те, у кого душевная боль становится болью физической. Кого общество, обстоятельства, жизнь сломали.

Сергей Александрович помолчал, разглядывая свою кружку. – На войне такое бывало, – тихо сказал он. – Солдат, вроде целый, невредимый, а – не встаёт. Глаза пустые. Контузия, говорили. А по-твоему выходит... – Душа не выдержала, – закончила за него Аня. Он кивнул, и в его глазах мелькнуло понимание. – Трудное дело ты выбрала, дочка. Куда труднее, чем бетонные плиты. Те хоть по ГОСТу делаются. А душа... у каждой свой ГОСТ. – Он тяжело поднялся. – Но раз выбрала – иди до конца. Ты у нас умница.

Эти мудрые мысли пришлось отложить. Из прихожей донёсся телефонный звонок, и по нервному, надрывному гудку Сергей Александрович безошибочно определил – звонят с завода. Через минуту, нахмуренный, он слушал доклад: в четвёртом цеху на третьей линии пошёл брак...

В цеху стоял привычный гул: рокот кранов, стук молотков, скрежет металла. Рабочие коротко перебрасывались словами, перекрикивая шум машин.

У стены, на лавочке, сидели двое – Борода и Андрюха. Борода, высокий мужик с густой бородой, почесал затылок и с ленивой усмешкой произнёс: – Милейший, сейчас бы Петра Арсеньевича да с курочкой бы... – И не говори, любезный, – отозвался Андрюха, подтягивая ремень.

К ним подошёл электрик Серёга. В руках у него была стеклянная банка, а из кармана торчала ложка. – Что, обедать не садитесь? – спросил он. – Сейчас директор должен зайти, – отозвался Борода. – Не время. Серёга пожал плечами, уселся на лавку, открыл банку с пшеном, сваренным на воде. Достал ложку и принялся медленно есть, смакуя, с закрытыми глазами, словно лакомился чем-то изысканным.

Цыпенко, стоявший неподалёку, наклонился к Василичу: – Опять «голубок» пшено клюёт. Рабочие хмыкнули, но в этот момент в цех вошёл Сергей Александрович в сопровождении начальника цеха и мастера. Шум стих, все быстро поднялись с мест. – Докладывайте, – коротко бросил начальник цеха. – Третья линия, – заговорил Борода, переминаясь с ноги на ногу, – брак пошёл. Формы не выдерживают, бетон ведёт, трещины даёт. – Проверяли матрицы? – строго спросил Сергей Александрович. – Проверяли, – вмешался Андрюха. – Думаем, что арматура виновата. Партия пришла ржавая, металл повело.

Сергей Александрович нахмурился, прошёлся вдоль линии, внимательно оглядывая конструкции. Рабочие молча следили за ним, понимая: от решения начальства сейчас многое зависело. – Заменить арматуру и проверить все матрицы, – отрезал директор и вышел из цеха.

Вернувшись домой поздно, он застал на кухне одну Тамару. Она штопала Андрюшины брюки под светом настольной лампы. – Опять брак? – тихо спросила она, видя его осунувшееся лицо. – Арматура, – коротко бросил он, снимая пиджак. – Ржавая. Весь график под угрозой. А ведь знают, знают все, что мы для новостроек, для людей стараемся!

Он сел напротив, провёл рукой по лицу. В его глазах стояла усталость не физическая, а какая-то глубинная, от постоянной борьбы с системой. Достал из холодильника бутылку, налил полную рюмку, опрокинул её и лишь тогда сел за стол. – Иногда кажется, что мы про-

должаем воевать, только не с фашистами, а с чем-то другим, – прошептал он. – С каким-то внутренним саботажем. С равнодушием. С враньём. И непонятно, где фронт и кто враг.

Тамара Фёдоровна молча положила свою руку на его. Её тёплые, шершавые пальцы сжали его ладонь. – Ты же выступишь, Серёжа. Ты у меня сильный. Он посмотрел на неё, и в уголках его глаз дрогнули знакомые лучики морщин. – Справлюсь, Тома, справлюсь... Потому что эту силу я черпаю от тебя. И от Саша. – Ты снова ходишь в церковь? – тихо спросила она. Сергей Александрович молча кивнул.

В пустой церкви пахло воском и старым деревом. Сергей Александрович стоял рядом с невысоким коренастым мужчиной в чёрном – со седой бородой и спокойными, уставшими глазами.

– Никогда не думал, что буду здесь вот так стоять, – тихо сказал Сергей. – После всего, во что нас учили верить... – Бог разными путями ведёт, – так же тихо ответил отец Александр. – Одних – через разум, других – через боль, третьих – через чудо. Ты пришёл через чудо, Серёжа. Тот день в старой церкви... Мы с тобой не забудем его никогда.

Он перевёл взгляд на потемневшую от времени икону, и память на мгновение вернула его в ту самую деревенскую церковь, где когда-то, во время войны, они с Сергеем держали оборону. Где отчаянно молились о жизни, когда смерть была в трёхстах метрах, в образе карателя с огнём.

– Я, Саш, тогда просил Бога только об одном – о жизни, – голос Сергея дрогнул. – А я в тот же миг дал обет, – отец Александр положил руку на плечо друга. – Стоял там, в пыли, смотрел на мироточивую икону и поклялся: если выживу – стану священником. Вот и стал. А ты не переживай, Сереж, Господь тебя не оставит. Тот, кто даровал нам чудо тогда, не оставит и сейчас.

Он перекрестил Сергея, и то невыразимое чувство мира, что когда-то наполнило их в полуразрушенном храме под огнём, снова коснулось их душ – тихое и несомненное, как дыхание.

Глава пятая

Май 1972 года выдался на удивление тёплым. Москва, ещё не раскалённая летним зноем, была полна ароматом цветущих лип и предвкушением скорых каникул. Для Андрея Зацепина это время было особенным: через пару недель – защита диплома в МАИ и долгожданный прыжок во взрослую, самостоятельную жизнь.

Его друг детства Олег, чья жизненная стезя уже свернула в сторону аграрной науки, уговорил его на «последний студенческий вечер». В небольшой квартирке на Ленинградском проспекте собралась шумная компания: кто-то из МАИ, кто-то из МГУ, пара девушек из педа.

Андрей, всегда чувствовавший себя не в своей тарелке на шумных сборищах, притулился у окна с банкой томатного сока, наблюдая, как Олег с азартом что-то доказывает широкоплечему парню в форме. Форма была не армейская, а тёмно-синяя, с голубыми петлицами – кур-санта одного из лётных училищ.

– Андрей! Иди сюда, познакомлю! – окликнул его Олег, заметив уединение друга.

Андрей нехотя подошёл.

– Андрей, это Максим, «старый друг», в кавычках! – Олег хлопнул лётчика по плечу. – В одном дворе на Соколе выросли, пока он на крылья не встал. Макс, а это тот самый гений, о котором я тебе рассказывал. Будущий Королёв, только в авиации.

Парень в форме обернулся. У него было открытое, обветренное лицо с ясными, насмешливыми глазами и коротко стриженными волосами. Он оценивающе взглянул на Андрея и протянул руку. Рукопожатие было твёрдым, ладонь – шершавой.

– Максим Иволгин. Не слушай его, он всех своих друзей «гениями» величает. Особенно тех, кто помогает ему с термином. – Его голос был негромким, но уверенным, с лёгкой хрипотцой, будто от частых переговоров с землёй сквозь шум мотора.

– Андрей Зацепин. И я ему не помогал, просто объяснил пару формул, – смущённо улыбнулся Андрей.

– Скромничает, – фыркнул Олег. – Сам все контрольные у него срисовывал. Ладно, вам, технарям, есть о чём поговорить, а мне надо решить стратегически важный вопрос насчёт последней бутылки «Тархуна». – И он растворился в толпе.

Неловкая пауза повисла между ними. Первым её нарушил Максим.

– Так ты из МАИ? Конструктор?

– Пока ещё студент. Через две недели – как повезёт. А ты откуда? Качинское?

– Борисоглебское, – с явной гордостью поправил его Максим. – Приехал на стажировку в Жуковский. Испытываем кое-что интересное.

Глаза Андрея вспыхнули. Вся его скованность мгновенно испарилась.

– На «спарке» летаешь? Или уже на «мигах»?

– Пока больше на L-29, но пару раз уже поднимал МиГ-21. Зверь, конечно, но красавец. А ты в каком направлении работаешь?

Разговор закрутился сам собой, подхваченный общим вихрем страсти к небу. Они отошли в сторону, к тому же окну, забыв обо всех на вечеринке. Андрей, обычно скупой на слова, не мог остановиться, рассказывая о своём дипломном проекте – расчётах системы управления для перспективного двигателя. Максим слушал не как простой собеседник, а как будущий потребитель его идей.

– Понимаешь, главная проблема – не мощность, – говорил Андрей, жестикулируя, будто в руках у него был мел, а перед ним – доска. – Проблема в том, чтобы сделать эту мощность управляемой, предсказуемой. Чтобы пилот чувствовал её не как дикую лошадь, которую нужно укротить, а как продолжение себя.

– Вот именно! – оживился Максим. – Бывает, выжмешь из машины все соки, а она не слушается, упрямится. Чувствуешь, что там, в железе, есть свой характер, и не всегда дружелюбный. А твоя задача – с ним поладить.

– Я как раз пытаюсь этот «характер» просчитать и поставить ему рамки, – улыбнулся Андрей.

– Чтобы он был не упрямым осликом, а арабским скакуном? – предположил Максим.

– Да! Именно! – Андрей рассмеялся. Он впервые за долгое время чувствовал такое полное понимание без лишних слов.

Они говорили ещё долго: о штопорах и перегрузках, о том, как дрожит ручка управления на критическом режиме, о тонкостях аэродинамики, которые знают только те, кто сам парил в небе. Андрей смотрел на мир через призму формул и расчётов, Максим – через ощущения и практику. Их миры идеально дополняли друг друга.

– Слушай, – вдруг сказал Максим, прерывая спор о преимуществах треугольного крыла. – А не хочешь на аэродром приехать? В воскресенье у нас лётная смена. Посмотришь на всё это не с земли, а с края лётного поля. Пощупаешь, так сказать, жизнь.

Глаза Андрея выразили всё, что он чувствовал. Мечта всего его детства становилась осязаемой.

– Я бы с огромным удовольствием! Ты прав, чертежи – это одно, а когда видишь, как твои расчёты оживают в металле...

– ...понимаешь, ради чего всё это, – закончил за него мысль Максим. – Договорились. Вот, нацарапаю тебе адрес, пропуск будет ждать.

Он достал из нагрудного кармана гимнастёрки блокнот, оторвал уголок страницы и что-то быстро написал.

В этот момент к ним подошёл Олег с парой полных стаканов. – Ну что, я вижу, вы уже нашли общий язык? Дружите против меня, да? – Против тебя дружить не надо, тебя и в одиночку обыграть можно, – парировал Максим, пряча блокнот. – Ага, шас. Я тут пока за вас «Тархун» отбивал, вы тут, вижу, весь мировой авиапром поделили. Ладно, выпьем за это! За небо! За вас!

Олег протянул им стаканы. Максим взял свой, Андрей после секундной паузы – тоже.

– За небо! – сказал Максим, глядя на Андрея. – За небо, – тихо, но твёрдо ответил Андрей.

И в этот миг, поднимая стаканы с дешёвым газированным напитком в душевной комнате студенческой квартиры, они заключили негласный договор. Договор двух людей, которые ещё не знали, что их дружба, рождённая под крылом одного самолёта, пройдёт через годы, взлёты и падения, но навсегда останется скреплённой одной страстью – бескрайним, манившим их обоих небом.

Страна вошла в десятилетие, как входят в широкую, полноводную и почти неподвижную реку. Течение замедлилось. Всё было прочно и основательно, надолго.

Воздух пах, на улице – бензином и угольной пылью, в подъездах – котлетами и лавровым листом, в учреждениях – дешёвым одеколоном и бумажной пылью. Включаешь телевизор – «Голубой огонёк», открываешь газету – передовица о перевыполнении плана. Казалось, что так будет всегда.

Но под этой толстой ледяной коркой уверенности бурлила своя жизнь. Интеллигенция ловила замирающее сердце голосом Галича и Высоцкого из раритетных магнитофонов. Молодёжь, отбросив пионерские галстуки, трясла чёрными копнами волос под «Битлз». А страна в целом, устав от бесконечного ожидания «светлого будущего», училась жить в настоящем – с его маленькими радостями, дефицитом, верой в «авось» и тихим, почти бытовым фатализмом. Время текло медленно, как мёд, и так же сладко обещало затянуть в себя всё и вся.

Глава шестая

Андрей стоял в цеху опытного производства, где пахло остывшим металлом и горькой пылью от шлифовки. Перед ним на стапеле темнел угловатый каркас – его первое настоящее задание, не учебный макет, а узел крыла для нового пассажирского лайнера. В руках он сжимал пачку расчётов; бумага отсырела от пота.

«Теоретик» – слышалось ему в вежливом, но отстранённом тоне старших коллег. Он был «молодым специалистом», мальчишкой из МАИ, и его чертежи проверяли с удвоенной придирчивостью.

«Зацепин, к директору».

Сердце ушло в пятки. В кабинете главный конструктор, седой, испещрённый морщинами человек по имени Виктор Петрович, молча протянул ему тот самый чертёж. Красным карандашом была обведена целая секция.

– Объясни, – прозвучало это слово как приговор.

Андрей начал, запинаясь, сыпать формулами. Голос срывался. Виктор Петрович слушал, не перебивая.

– Ошибка, – наконец сказал он. – Не в расчётах. В подходе. Ты проектируешь идеальную деталь для идеального самолёта. А его будут собирать усталые люди на изношенном оборудовании. Ты не предусмотрел технологический допуск. Его здесь, – он ткнул пальцем в чертёж, – никогда не выдержат.

Андрей молчал. Вся его уверенность, все университетские «звёзды» рассыпались в прах.

– Переделывать? – с трудом выдохнул он.

– Учиться, – поправил Виктор Петрович. – С завтрашнего дня – в цех. На две недели. Смотреть, как работают руки, а не только циркули.

Андрей вышел из кабинета, не чувствуя под собой ног. Унижение жгло изнутри, как кислота. «Идеальная деталь для идеального самолёта...» – эти слова звенели в ушах, смешиваясь с беззвучным хохотом старших коллег. Он был «теоретиком». Мальчишкой. И этот ярлык, казалось, намертво прилип к его репутации.

Он не пошёл домой, а дошёл до пустого цеха, где в сизых сумерках темнел его недоношенный каркас. Простоял там почти час, глядя на груды металла – олицетворение его провала. Впервые вера в безупречную мощь формул дала трещину. Наконец, он махнул рукой и вышел прочь.

Андрей шёл через тёмный двор, еле переставляя ноги. Тени от фонарей ложились на асфальт длинными, искажёнными силуэтами, будто повторяя его собственное состояние. В руках он сжимал папку с чертежами, которые теперь казались бесполезным хламом.

Из тьмы возникла знакомая фигура с фонарём в руке.

– Что, инженер, небо к земле притянул? – раздался спокойный голос дворника дяди Паши.

Андрей лишь молча махнул рукой, не в силах подобрать слова.

Старик подошёл ближе, и свет фонаря выхватил из мрака его морщинистое лицо.

– Помнишь, как бумажного змея запускал? Весь день с сестрой возились, а он взял да с первого раза взлетел. Потому что с душой делал. – Дядя Паша помолчал, давая словам просочиться в сознание. – А без души, сынок, и железная птица не полетит. Небо фальши не прощает. Оно как люди – чувствует, когда к нему с правдой идут, а когда так, для галочки.

Он протянул Андрею фонарь.

– На, освети дорогу. А утром приходи пораньше – двор подметём вместе. Руки работой займёшь – голова прояснится.

Андрей взял фонарь, и тяжёлая папка в его другой руке на мгновение показалась легче.

На следующее утро он снова пришёл в цех – не как наказание, а как в лабораторию. Первые часы были самыми тяжёлыми. Он стоял в стороне, а рабочие, бросая на него косые взгляды, переговаривались через его голову, словно его не существовало.

Всё изменилось после обеда, когда пожилой фрезеровщик Николай, по прозвищу Дед, негромко окликнул его:

– Эй, теоретик! Подойди-ка сюда.

Андрей подошёл, готовый к новому унижению.

– Видишь эту фаску? – Дед ткнул засаленным пальцем в деталь. – По твоим чертежам, она под сорок пять градусов. А я сорок семь даю. Знаешь, почему?

Андрей молча покачал головой.

– Потому что на сборке её чуть поведут, и твои сорок пять превратятся в сорок три. А зазор будет – как чёртова пропасть. Твоя формула этого не учла? – Дед хитро подмигнул. – Вот и считай теперь, гений. Жизнь – не учебник.

Именно тогда Андрей впервые за два дня улыбнулся. Он спрашивал, почему фрезеровщик меняет угол, почему сборщик ругается на слишком тугое сопряжение. Он учился у металла и у людей, которые его покоряли.

Вернувшись домой, пропахший машинным маслом, с руками, исцарапанными о заусенцы металла, он застал отца в гостиной.

– Ну что, как там, в окопах? – пошутил Сергей Александрович, откладывая газету.

– Без потерь, – буркнул Андрей, плюхаясь в кресло.

– Слушай, сынок... – отец помолчал, выбирая слова. – Я свою первую домну тоже чуть не угробил в своё время. Казалось, всё по науке, а она – бац! – и в «козла». Меня тогда сталевары, бывалые волки, на смех подняли. Говорили, мол, институт окончил, а в простом деле провалился.

– И что? – мрачно спросил Андрей.

– А ничего. Месяц потом у них же учился. Руки марал, шишку набивал. Самое главное – не то, что ты оступился. А то, как ты поднимаешься. И какие выводы делаешь. Запомни: любой станок, любой механизм – он на людей работает. И люди его собирают. Без понимания этого – ты не конструктор, ты калькулятор.

В тот вечер Андрей впервые за долгое время не сел за чертежи. Он просто сидел и думал. О людях. О металле. О том, что гениальная формула бесполезна, если для её воплощения нужны руки волшебника.

Через месяц Виктор Петрович, просматривая исправленные чертежи, кивнул:

– Теперь другое дело. Вижу, что головой думал, а руками делал, – он метнул взгляд на зажившую царапину на руке Андрея. – Теперь можно и работать. Но сначала зайди к парткому.

Кабинет Льва Аркадьевича Новикова поражал стерильной чистотой. На столе – ни лишней бумаги, только аккуратные стопки «Правды» и журнал «Коммунист». Сам Новиков, в идеальном тёмно-синем костюме, разглядывал чертёж Андрея, будто это был не инженерный расчёт, а улика.

– Зацепин, – начал он наконец, откладывая чертёж. Его голос был тихим, почти ласковым, но от этого не становился менее опасным. – Рад, что вы учли замечания товарища Томского и нашли общий язык с рабочим классом. Это похвально. Однако... – он сделал театральную паузу, глядя на Андрея поверх очков, – меня смущает общая направленность вашей работы.

– Направленность? – насторожился Андрей. – Это перспективный двигатель, Лев Аркадьевич. Его характеристики...

– Я не о характеристиках, – мягко прервал Новиков. – Я о другом. Вот здесь, в расчётах компрессора, я вижу отсылки к западным коллегам. И здесь... не будем тыкать пальцем. – Он

с лёгкой брезгливостью поддел ногтем поле с библиографией. – У нас, товарищ Зацепин, есть выдающиеся отечественные школы. Циолковский, Королёв. Не кажется ли вам, что излишнее увлечение западными методиками – это неуважение к приоритету нашей науки?

Андрей почувствовал, как у него закипает кровь.

– Наука интернациональна, Лев Аркадьевич. Я беру лучшее, чтобы сделать лучший двигатель для нашей страны.

– О, я не сомневаюсь в ваших патриотических чувствах! – Новиков сложил руки домиком. – Но есть нюанс. Вы проектируете не абстрактный агрегат. Его будут собирать простые советские люди. Рабочие. А ваш подход... он излишне сложен. Это пахнет интеллигентским снобизмом. Словно вы не доверяете нашему человеку собрать нечто простое и гениальное, а не эту... – он снова взглянул на чертёж, – кибернетическую вавилонскую башню.

Андрей молчал, сжимая кулаки под столом. Он понимал: любые технические контраргументы разобьются о непробиваемую стену идеологии.

– Я над этим подумую, Лев Аркадьевич.

– Непременно подумайте, – улыбнулся Новиков, и его улыбка была ледяной. – И знаете, пока размышляли над сложностью вашего двигателя для рабочего класса, мне на ум пришёл один случай. Мне доложили, что вас видели в районе Никитского бульвара. Заходили в одно здание с колокольной. – Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание. – К человеку в рясе. Это ведь не тот самый священник, с которым, по слухам, водит дружбу ваш отец? Времена сейчас такие... прогрессивные. Людям науки, а уж тем более ведущим конструкторам, негоже демонстрировать подобные... архаичные увлечения. Это бросает тень не только на вас, но и на коллектив, товарищ Зацепин. На коллектив.

Андрей вышел из кабинета, чувствуя себя грязным. Он был готов спорить с инженерами, доказывать начальству, но бороться с этим ядовитым шёпотом, который бил не в конструкцию, а в его личность, – он не умел.

Глава седьмая

Палата пахла хлоркой и немытым телом. Анна, студентка-медичка в белом, ещё чужом халате, пыталась не смотреть на человека, привязанного к койке. Он бредил, выкрикивал что-то бессвязное, и в его глазах стоял животный ужас.

– Сестренка, сделайте ему укол, успокоительный, – сказала пожилая санитарка тётя Груня, протягивая шприц. – Только осторожнее, может дёрнуться.

Рука у Анны дрожала. Она боялась не укола, а этого взгляда, этой бездны чужого страдания, в которую предстояло шагнуть. Все её знания по психиатрии казались теперь никчёмной теорией, пыльным фолиантом перед лицом живой, разрывающей душу боли.

Укол она сделала неумело, почти ковыряя иглой. Пациент закричал ещё громче.

– Ничего, научишься, – безразлично бросила тётя Груня. – Здесь все через это проходят.

Вечером, вернувшись домой, Анна молчала. Она снова и снова мыла руки под краном, пытаясь смыть введшийся запах больницы и гнетущее чувство собственной беспомощности.

– Что-то случилось, доченька? – спросила Тамара Фёдоровна, снимая с плиты кастрюлю со щами.

Аня выдохнула и рассказала про пациента, про свой страх, про эти душераздирающие крики.

– Я не знаю, смогу ли я, мама. Это слишком тяжело. Может, перевестись на терапию?

Мать налила щи в тарелку. Пахло вкусно, по-домашнему, так знакомо и безопасно.

– Ты помнишь, как мы с тобой в деревне у тёти Нины гостили? И того щенка, которого местные мальчишки забили камнями? Ты его тогда отняла, принесла домой и выходила, хотя он тебя кусался, царапался. Ветеринара в селе не было, ты ночами не спала, сидела с ним.

– Так это же щенок... – начала Аня.

– А разница? – мягко перебила мать. – Тот был беззащитен и напуган. И твои больные – такие же. Только боль у них не в теле, а внутри, в душе. Им ещё страшнее. Ты тогда не испугалась, а сейчас чего испугалась? Того, что не сможешь помочь? Так никто и не ждёт, что ты всех вылечишь. Но одного-то человека отогреть сможешь?

На следующий день Анна снова пришла в палату. Она не подходила к буйным, а села рядом со стариком, который целыми днями молча смотрел в стену. Не говорила с ним. Просто сидела. Через час он медленно повернул голову.

– Девушка... а у вас хлеб есть? – прошептал он.

Она принесла ему хлеба из столовой. Он взял его дрожащими руками и спрятал под матрас.

– Спасибо... – сказал он. И в его глазах мелькнула искорка – крошечный проблеск контакта.

День за днём, шаг за шагом. Она училась не бояться, училась слушать тишину между криками, различать человека за ширмой болезни. И с каждым таким маленьким, почти невидимым шагом её призвание из отвлечённой мечты превращалось в суровую, но единственно возможную реальность.

Вернувшись в свою комнату в общежитии, куда она переехала на время учёбы, Анна не могла уснуть. Комната была завалена конспектами по психиатрии и анатомии. Запах хлорки и немытого тела, казалось, въелся в самую кожу. Она взяла с полки томик Ахматовой, но знакомые строчки не успокаивали, а звучали теперь зловещей цитатой из чьей-то медицинской карты: «Я научила женщин говорить... Но, Боже, как их замолчать заставить!»

Она закрыла книгу. Вспомнился тот самый старик, спрятавший хлеб. Что он хотел этим сказать? «Я боюсь снова остаться голодным»? Или «Это всё, что я могу сохранить в этой

жизни»? Она поняла, что её задача – не просто ставить диагнозы по учебнику, а научиться слышать эти безмолвные крики. Это оказалось страшнее и сложнее любой сессии.

На следующей неделе в её палату поступила новая пациентка – молодая женщина по имени Катя. Та целыми днями сидела, уставившись в стену, и не реагировала ни на что. Врачи лишь разводили руками.

Аня, помня урок матери, просто садилась рядом и молча вязала, иногда тихо напевая колыбельную – ту самую, что пела ей в детстве Тамара Фёдоровна.

Прошло три дня. И однажды, когда Анна уже собиралась уходить, Катя вдруг произнесла, не поворачивая головы:

– У вас фальшиво.

Аня замерла.

– Что фальшиво?

– На третьей ноте. В той песне. – Катя медленно повернулась. В её глазах стояли слёзы. – Мой сын... он всегда меня поправлял.

Это был прорыв. Крошечный, но настоящий. В тот вечер Анна не пела. Она слушала. Слушала тихий, прерывистый рассказ о мальчике, которого забрали в детдом, потому что мать «не справлялась». И она поняла, что стала не просто санитаркой или студенткой. Она стала тем, кто возвращает людей к их собственной боли – чтобы они научились жить с ней.

– Зацепина, к профессору Сидоренко! – раздалось по коридору.

С трепетом Анна вошла в кабинет. Профессор, пожилая женщина с мудрыми, уставшими глазами, просматривала её дневник практики.

– Я слежу за вами, – сказала она без предисловий. – Вы не боитесь тишины. Это редкое качество. Многие врачи боятся её. И потому торопятся заполнить словами, диагнозами, нейрорепетиками.

Она закрыла дневник.

– Вы помните того пациента, который твердил о каком-то соседе Кольке?

– Да, – кивнула Аня.

– А вы не думали, что этот «Колька» – не сосед, а он сам? И он всю жизнь носит в себе вину перед кем-то, кого не спас, не защитил? Его психика так исказила это чувство, что превратила его в другого человека.

Аня слушала, затаив дыхание. Весь её опыт последних недель вдруг сложился в стройную, пугающую картину.

– Ваша задача, Анна Сергеевна, – продолжила профессор, – не в том, чтобы вернуть его в «нормальную» реальность. А в том, чтобы помочь ему прожить его собственную. Какой бы страшной она ни была.

Выйдя из кабинета, Анна поняла: она больше не студентка. Она – врач. Со всеми вытекающими последствиями.

Глава восьмая

В квартире пахло яблочным пирогом. Тамара Фёдоровна, вытерев руки о фартук, смотрела в окно. За стёклами медленно падал осенний дождь. Андрей уже третью ночь не вылезал из КБ, Анна дежурила в клинике. Дом, обычно наполненный голосами и смехом, был пуст.

Она подошла к этажерке, где в строгом порядке стояли их семейные «сокровища»: диплом Андрея с отличием, первая научная публикация Анны в тонком журнальчике, фотография Сергея Александровича. Она взяла в руки потрёпанную тетрадь в клеёночной обложке – старый конспект Андрея по сопромату. На полях он рисовал схемы невероятных аппаратов, которые тогда существовали лишь в его воображении.

Она всё понимала. Понимала тень усталости в глазах дочери, возвращавшейся после ночного дежурства. Понимала зажатую тревогу в плечах сына, когда он молча пробирался в свою комнату с папкой чертежей. Мир, в который они ушли, был жестоким и требовательным. Он ломал тех, у кого не было внутреннего стержня.

Её роль была не в том, чтобы давать советы. Её роль была в том, чтобы быть точкой опоры. Неподвижной, надёжной, как скала, о которую разбиваются все житейские шторма.

Она не будила Аню, когда та, придя под утро, засыпала, не раздеваясь, на диване. Просто накрывала её пледом. Не допытывалась у Андрея о проблемах с двигателем. Ставила перед ним тарелку с горячим супом, когда он, наконец, появлялся, и говорила: «Поешь сначала. Потом разберёшься».

Однажды вечером Андрей, неожиданно появившись дома рано, спросил: – Мам, а тебе не обидно? Мы тут своими делами, а ты одна... Она посмотрела на него, и в её глазах вспыхнул тот самый огонёк, который видели только самые близкие. – Обидно? Сынок, я как та хозяйка, что тесто ставит. Вся работа – в темноте, в тишине. А вы у меня – мои пироги, румяные, с пылу с жару. Мне на вас смотреть – и то радость. Какая уж тут обида.

Она создавала им тыл. Тихую гавань. Место, где не нужно было доказывать свою состоятельность, где можно было просто быть, оттаяв после сурового дня.

Иногда, провозжая их утром и оставаясь одна в тишине, она подолгу стояла на том же месте, будто её присутствие, её молчаливое ожидание могло стать невидимым щитом для каждого из них там, в большом и не всегда добром мире.

Однажды субботним утром, разбирая старый сервант, Тамара Фёдоровна нашла картонную коробку с надписью «Фото 1950-е». Внутри лежали немного выцветшие снимки. Вот она, молодая, в лёгком платье, стоит рядом с Сергеем – высоким, усатым, с ещё не угасшим в глазах фронтовым задиристым огоньком. Вот Андрей, лет трёх, с разбитой коленкой и в отцовской фуражке, смотрит в объектив с вызовом. Вот Аня, кропотливо кормит с ложки завернутого в тряпочку котёнка, её брови горестно сведены.

Она перебирала эти карточки, и в памяти всплывали не громкие события, а тихие, бытовые моменты: как Сергей учил Андрея завязывать шнурки, ворча, но бесконечно терпеливо; как Аня впервые прочла вслух стихотворение, и от гордости у Тамары Фёдоровны перехватило дыхание. «Вся жизнь – вот она, – подумала она, – не в парадах и наградах, а в этих вот маленьких, никому не видимых крупичках». Она была хранителем этих крупичек. И в этом была её тихая, ни на что не похожая миссия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.